

Продолжение.
Начало в "РМ" №4195.

Паспарту

Паспарту — это универсальный ключ, подходящий ко всем замкам, это таинственная книжка, дающая право входа во все открытые и заброшенные учреждения, это — словечко, лозунг или истина, объединяющая людей.

В настоящие дни всех истинно и неистинно русских людей: социалистов, кадетов и монархистов трогательно сливает воедино, во многом извиняя и почти все объясняя, следующая формула, слишком широкая, когда ее относят ко всему народу, и немного узкая, когда она касается исключительно мужика, ибо надо признать, что понятия о мужике и народе у нас как-то недостаточно различимы, обивчивы и спутаны. Вот эта формула, находящая отзвук даже в большевистских сердцах:

"Всем нашим несчастьям причина — мужик. Он — вор, скот, зверь, пьяница, раб, грабитель, погромщик и насильник. Русский народ — дрянный народ, ничего не знающий, ничего не умеющий, некультурный, сонный, ленивый, скоро приходящий в отчаяние, народ с бесславной историей".

"Русский народ любит палку, — говорят иные ортодоксы. — Спасибо большевикам, они указали нам настоящие методы государственного правления".

"Какой он, извините за выражение, богоносец? — восклицает кислый эмигрант. — Он разбойник по натуре, пещерный человек, он своего Бога с кашей спопал".

"Русский мужик — это михрютка", — определяет эс-эр, на знамени которого стоит: все для народа и через народ. А старые, честные эн-эсы сокрушенно помахивают длинными бородами...

— Ненавижу мужика! Презираю темную, скучную, варварскую Россию! — говорит Горький, и слова его, с разными вариантами, повторяют многие, родственные ему эстетические души.

Бывший помещик рассуждает, наливаясь синей кровью от мстительной злобы:

"Куда ему, к черту, свобода — вашему мужику, если он прирожденный хам! Это из-за него мы так бесславно вышли из войны. «Мы не русские, мы рязанские». Вот он, его патриотизм. Революция для него — разделяющая. Услышав первый демagogический клич, он бросил окопы и побежал домой грабить чужую землю и резать репы породыстым лошадам. Кнут ему, свинье, надобен, а не свобода".

Мне кажется, я уже исчерпал все те общеупотребительные слова, которые ныне обеспечивают любезный прием в любом обществе. Однако я, с позволения, а то и без позволения почтеннейшей публики и во всяком случае без малейшего уважения к ней, не перестаю держаться совсем при особом мнении и не перестану его держаться даже в том случае, если окажусь в полнейшем одиночестве.

Для ясности изложения моей мысли я сначала должен уговориться, что под понятием русского народа я подразумеваю именно русского мужика, хотя бы уже ввиду того, что в численном отношении мужик составляет подавляющее большинство русского населения. К мужикам я причисляю и рабочих, потому что в никакой другой стране рабочий и крестьянский классы не были так тесно и неразрывно связаны множеством самых близких отношений, а затем я предлагаю следующие вопросы:

— Вы, наверное, не откажетесь от всех гордых слов, которыми вы еще так недавно и громогласно восхваляли русского солдата: его стойкость, выносливость, терпение, беззаветную храбрость, милость к побежденным и т.д., и т.п.? И, заметьте, в этом славословии я охотно иду след за вами и даже дальше, утверждая, что не было более самостоятельного и

изобретательного солдата, чем русский. Я знаю, средняя пехотная рота, предоставленная сама себе, может сделать почти всё: построить мост, мельницу, плотину, провести дорогу, из ничего сделать жилье, кухню, кузницу, хлебопекарню, хотя надо такое сказать, что русская армия слишком часто была предоставлена самой себе, в то время как за английским солдатом возили ванны и приспособления для лаун-тенниса. А умереть безропотно, бестрепетно, "беззаветно", как вы говорили, разве не русские солдаты были мастера?

Суворовские походы, наполеоновские войны, севастопольское сиденье, Шипка, Плевна, Порт-Артур, отступление от Карпат, когда, оставшись без единого патрона, солдаты оборонялись камнями, — этих страниц не перечислишь. И всюду солдат умел найти и устроиться. Очень необходимо навсегда удержат в памяти Галлипольское пленение, когда на голом камне, при невероятно тяжелых условиях русский солдат сумел не только построить свой дом, но и восстановить в нем твердый воинский дух.

Но ведь солдат — это тот же мужик, только иначе одетый, немного обученный и с ружьем, и так как вся русская армия исключительно фор-

лись эти магические превращения? Играла ли здесь роль только патентованная палка или, кроме того, высокий пример старших начальников, которые, как известно, всегда бывали б е з у п р е ч н ы, или наконец, может быть, мужик, показывавший себя таким славным, христолюбивым воином на войне, был вовсе не столь плох, как о нем пишут, говорят и думают? Из скверной глины не сделаешь хорошего горшка.

В сотый раз и с прежним упорством я утверждаю, что в еврейских погромах русский народ никогда не был виноват. Более широкого и терпимого народа в религиозном и национальном смысле, чем русский, я не знаю. Иудей, мусульманин, протестант, католик, даже язычник никогда не встретит с его стороны ни вражды, ни укора во всем, что касается его верования.

Всякие попытки втравить народ в религиозную ненависть всегда проходили мимо него, не затрагивая его души. Не говоря уже о великом расколе, вспомним молокан, духоборцев и штундистов. "Ну что же худого о них скажешь. Чисто вокруг себя ходят, живут дружно и не пьяницы", — вот был голос народа. С отвращением смотрели на скопцов и с насмешли-

вымысленно закрываете глаза на то, что русское искусство там, где оно не является жалким скворечным перебиванием с иностранного, где оно самостоятельно и мощно, — там оно всеми корнями уходит в русскую музыку, сказку, пейзаж и в русский язык. Я особенно настаиваю на русском языке, потому что только его неизмеримые богатства, его послушность, гибкость и выразительность дают и будут давать великим писателям те безграничные возможности, которые делают слово почти осязаемым, почти видимым, почти весомым. И этот язык мы во всей его чистоте получили у мужика и у него же еще долго будем черпать. А разве язык народа — не мерило его души? Так неужели же народ, выковавший этот изумительный язык, всего только раб, подлец и нищенка?

Да и надо наконец перенести вопрос на самую прозаическую почву. Все мы думаем, что мужик существовал только для наших надобностей и социальных опытов. А нельзя ли взглянуть с той точки зрения, что мы были для него просто приживальщиками, захребетниками. Кто был плательщиком налогов? Кто поставлял пушечное мясо? Кто кормил нас утром булкой с маслом, а за обедом вкусным черным хлебом? (А ведь только при большевиках мы узнали наивную истину: самое существенное в питании человека — это не устрицы и не спаржа, а хлеб). И спрашивается, что же мы давали ему взамен? Если кто и давал, допустим, что не очень много, так это только государство. Мы же, интеллигенция, — ровно ничего. Оттого-то когда большевики не смогли дать мужику ни гвоздя, ни топора, он не захотел давать хлеба. А мы ему в обмен ничего не смогли, не сумели дать, кроме мехов, бриллиантов и зеркальных комодов. Так и вышло: раньше мы не хотели хоть чем-нибудь отплатить мужику за то, что он кормил — право же, задаром — нас, совсем ему не нужных людей, а теперь мы ропщем, почему он хлеб дает нам в тяжелый обмен, а не в благотворительных видах.

И наконец не напрасно ли и справедливо ли мы уж так заплевали нашу историю? Конечно, истории русского народа надо учиться не по Иловайскому, но, согласитесь, также и не

по Шишко. Для меня здесь, как и во многих других случаях, лучшим судьей является светлый и всеобъемлющий ум Пушкина. Это ведь он сказал о Петре Великом, что его временные указы и постановления обличают жестокого человека, азиатского деспота, но законы, им составленные, обнаруживают великого государя и человека, глубоко любящего родину. И он же сказал, что ему всегда будет дорога история русского народа, его трудов и завоеваний его царей — великих государственных людей.

Все мы знаем, что Россия много раз доходила до последней черты, за которой, казалось, ждала ее неминуемая гибель. Татарское иго, страшная чума, истребившая треть Европы, смутное время, 12-й год... И всегда она вставала, вздыхала глубоко, точно после обморока, и опять начинала жить полной, широкой жизнью. Чудо? Но с массами чудес не бывает. Точно так же, как подъем многомиллионного народа никогда не может быть приписан отдельным личностям: Дмитрию ли Донскому, Ивану Калите, Минину и Пожарскому, или Петру, так и в его падениях всегда бывала причиной — стихия, а не отдельные люди: не Чингисхан, не Батый и уж подавно не Ленин с большевиками. Народ, умевший вставать с одра смерти своими собственными силами, вследствие жизнетворных способностей, такой народ, несомненно, должен заключать в своей вселенской душе добрые и крепкие, здоровые начала, необходимые и достаточные для его полезного существования на земном шаре.

Я никогда не скажу: "Я люблю мой народ". Русский глагол л ю б и т ь слишком растяжим, его относят и к родине, и к собаке, и к жареной колбасе, и к женщине.

Я просто верю в его творческую мощь даже во время его болезни. И за многое — я ему благодарен, даже в пору обнищания. Благодарен мужику за ласку, за память, за дружбу, за гостеприимство, за все, в чем остаюсь его неоплатным должником.

P.S. Я забыл сказать, что это же паспарту — ключ для большевиков. Воистину многострадален наш бессмертный народишко. И всеобъемлющ.

Публикация
АНАТОЛИЯ ИВАНОВА

Москва

Продолжение следует.

Группа солдат в землянке. 1915-1917. Фото Г. Фрида.

мировалась из крестьян, то каким же невероятным чудом из народа, презренного, развращенного, ничего не стоящего ни в физическом, ни в моральном смысле, составлялись прекрасные, стойкие войска, героизму которых невольно удивлялись мировые военные авторитеты? Как соверша-

вым удивлением на хлыстов. Только и всего.

Ругая презренного мужика и разыгрывая в глазах Европы казанских сирот, вы никогда не устаете тыкать ей в нос русским искусством, литературой, музыкой, балетом, живописью... Но вы точно не хотите знать или

220